

**АННА
ЛИТВИНОВА**

**КОГДА МИЛЛИОНА
МАЛО**

Анна Литвинова
Когда миллиона мало

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвинова А. В.

Когда миллиона мало / А. В. Литвинова — «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-157435-2

Когда тебе семнадцать, а в стране разруха и голод, трудно поверить в предсказание цыганки: «Тебя полюбит миллионер». Но юная Богдана верит и отправляется искать свое счастье за границу. Она устраивается горничной в богатую итальянскую семью. Ее зовет замуж обеспеченный молодой человек. Однако очень скоро красивая сказка обращается в кошмар. Богдана отвержена, лишена возможности общаться с тем, кто ей дорог, но сдаваться не собирается. В ее жизни появляются новые страны, удивительные мужчины, необычные профессии, и наконец счастье – вот оно, совсем рядом. Но только бывают ли сказочные финалы в современной России?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157435-2

© Литвинова А. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Давно	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Витальевна Литвинова

Когда миллиона мало

Памяти Тани Поляковой

© Литвинова А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Роман основан на реальных событиях

Пролог

– Сильва, вставай! – пробивалось издали сквозь туман.

Накрылась подушкой, натянула поверх нее одеяло.

– Сильва, подъем! – Голос мачехи совсем над ухом. Руки холодные, пальцы цепкие. Разоряет ее гнездо, выковыривает наружу.

– Ну, пожалуйста! Пять минут еще!

Одеяло и подушку сорвала, швырнула на пол. Отдернула шторы, люстру врубил в все шестнадцать лампочек.

Веки склеены. Пробеешь разлепить – словно горячий песок сыплот. Во сколько она уснула? Играть закончила в три утра. Потом еще вертелась. Переживала из-за проигрыша, продумывала стратегию на завтра.

– Сильва, уже половина восьмого!

Попыталась приподнять голову, не смогла, простонала:

– Пофиг.

– Да сколько это будет продолжаться! – Голос мачехи бьет прямо в мозг, сыплет булыжники на затылок. Ухватила ее за щиколотки, стягивает с кровати – руки сильные, в тренажерке накачала. Сильва попыталась удержаться за изголовье, но пальцы соскользнули. Грохнулась на пол, ушибла пятую точку. Заорала:

– Да отвали ты от меня!

– Что ты сказала, дрянь?

– Что слышала! Не смей меня трогать, сука!

Еще полгода назад терпела, но в последнее время подумала: чего молчать, если ее оскорбляют?

Мачеха взъярилась окончательно. Вцепилась в предплечье когтями (больно, останутся царапины), вцепилась с размаху пощечину. Глаза у Сильвы сразу разлепились, накатила ярость. Девушка примерилась и от души лягнула некровную родственницу в коленку. Получилось удачно – та отлетела.

– Сейчас еще врежу, – пообещала.

Но мачеха честной драки испугалась. Вопит:

– Игнацио! Помоги! Твоя дочь меня избивает!

– О, Мать Божья, – простонала Сильва.

Очередное утро в любящей, блин, семье.

Отец явился немедленно – уже при галстук, волосы блестят от геля, ремень тщетно пытается удержать огромное брюхо.

Мачеха бросилась к нему – хромает показательно, руки заламывает, словно заштатная драматическая актриса:

– Она ударила меня! Она посмела меня ударить!!!

– Сильвия. – Отец сузил глаза. – Ты потеряла разум?

Все детство от его ледяного тона сердце в пятки уходило. А недавно вдруг осенило: «Да чего его бояться? Придурок! Бочонок на ножках! И предатель».

Она бесстрашно приблизилась, ткнула под нос предплечье – царапины, нанесенные противницей, эффектно сочились кровью. Набычилась, буркнула:

– Скажи этой своей... пусть не трогает меня. Тогда и я ее трогать не буду.

Отец молчал, жевал губы. Похоже, примерялся – как ударить побольнее, но чтобы без следов. Сильвия бросилась к письменному столу, схватила ножницы, ошетибилась:

– Только тронь. Глаз выколю.

– Кого мы вырастили! – взвыла мачеха. – Давай полицию вызывать!

Девушка отбросила ножницы. Да, что-то совсем понесло ее с недосыпа. Надо назад отыграть, извиниться. Признать, что виновата, допоздна засиделась за компом. Объяснить: сложно вставать в семь, когда проспала только три часа. Попросить: она прогуляет два первых урока. А завтра – как штык, подскочит. Сама. По будильнику.

Но едва успела начать: «Ну, ладно, короче», – отец оборвал:

– Одевайся. Собирай манатки. И вон отсюда.

Сильва опешила:

– Куда?

– Куда хочешь. К наркоманам. К бездомным. Под мостами с ними ночуй. Или вообще утопись. Будет лучше. Для всех.

– Э, Игнацио... ты уверен, что правильно поступаешь? – мачеха взглянула с сомнением.

– Я устал, – отрубил он. – Каждое утро одно и то же. Скандалы, вопли. Пусть проваливается.

Я хочу пожить в тишине.

– Сильва, – мачеха смягчила голос, – ну, давай поговорим, как взрослые люди. Неужели ты не понимаешь? Миллионы людей во всем мире не высыпаятся. Но они все равно встают, идут в школу, на работу.

– Ладно, – буркнула дочь. – Схожу я в вашу долбаную школу. Ща быстренько соберусь.

Но отца окончательно сорвало с катушек.

Жирным брюхом навалился на ее стол, выдергивает из компа провода. Злорадно оповещает:

– До Пасхи поживешь без гаджетов! Без игрищ своих безумных!

– Это ведь целых две недели! – взмолилась она.

А он – лэптоп под мышкой – еще и ее мобильник схватил.

– Совсем сбрендил? – заорала она. – Как я совсем без связи?

– Кнопочный дам, – злорадно усмехнулся отец.

– Да пошли вы оба! – взорвалась Сильва.

Почему всем одноклассникам повезло? У тех семейные ужины, вместе домашнюю пасту делают, в настолки играют, ездят на пикники. А у них – сплошные претензии да ругань. А если вдруг без скандала сидят все трое за столом, за готовой пиццей – всегда молча, каждый в свой телефон уткнулся.

Она схватила школьный рюкзак. Демонстративно, на пол, вывалила из него учебники. Распахнула шкаф. Начала, почти без разбору, набивать теплыми вещами.

– Игнацио, – нервно заломила руки мачеха, – она действительно сейчас уйдет. У нас будут неприятности.

Но отец лишь презрительно усмехнулся:

– Куда она денется? Есть захочет – вернется.

И Сильве больше ничего не оставалось – только рюкзак на плечи и на прощанье, от души, шарахнуть дверью.

Давно

Богдана родилась в Кувшинино, между Тверью и Торжком, в деревянном домишке. Официально считалось поселение городом, но все жители называли деревней. Каменные дома только в центре, где памятник Ленину, а чуть отойди – грязь непролазная, фонари разбиты, за колбасой – в Москву.

Жили втроем: бабушка, мать да внучка.

Мужчин в семье не имелось.

Дед погиб на Второй мировой. У мамы в паспорте штампы о браке стояли. Но родной Богданин отец замерз по пьянке, а отчим пять лет получил за кражу и сгинул на зоне.

Мама с бабушкой всегда притворялись, что им и самим нормально. Но Богдана-то видела: ничего хорошего. Денег вечно нет. Краны текут. Дрова заготовить – проблема. Восьмого марта только жалкий цветочек с работы. Поэтому сама хотела настоящую семью. Как на плакате «Госстраха», что в сарае висел: новенькие «Жигули», рядом с авто мужчина в импортном блейзере, при нем женщина в платье вельветовом, нарядно одетые ребяташки, а на заднем плане дача двухэтажная.

Мать над ее мечтой хохотала:

– Мужа она богатого хочет! Где его взять, да еще в Кувшинино? Блатные на своих женятся. Лейтенанта до генерала растить? всю жизнь провозишься, а он в отставку майором уйдет. Начальниками только дети начальников становятся.

Богдана расстраивалась, бабушка утешала:

– Ты у меня принцессочка!

И читала на ночь красивые сказки – про Золушку, про Ассоль.

Мама язвила:

– Старую деву вырастишь!

Бабушка тихо сердилась:

– Она еще ребенок! Пусть мечтает!

Хотя девочка рано понимать начала: на самом деле принцев нет. В Кувшинино точно. Парни, едва в подростковый возраст входили, сразу пить начинали, курить, мат через слово. Если свой мотоцикл имеется – уже герой, девчонки хвостом ходят.

Но однажды – было тогда Богдане тринадцать – остановила ее цыганка. Предложила:

– Давай погадаю.

Школьница вздохнула:

– У меня денег нет.

– Не надо денег. Так скажу. – Взяла ее руку, поизучала и взглянула с уважением. – Ох, какая у тебя необычная жизнь будет! Миллионер, красавец, иностранец замуж будет умолять выйти. А ты откажешь.

Пьяная цыганка, что ли?

На дворе стоял 1987-й. Январский пленум ЦК КПСС уже состоялся, обновление всех сторон жизни страны объявили. Люди болтали о грядущих переменах, бабушка запоем читала только что разрешенных «Детей Арбата» и «Белые одежды», мама смотрела «Шестьсот секунд»¹, но в целом как было в Кувшинино болото, так и осталось.

А гадалка усмехается:

– Рожу не криви. Знаю, что говорю. И границы откроются, и миллионеры появятся. Они всегда на обломках.

– Каких еще обломках?

---

¹ Передача на Ленинградском телевидении. Выходила с 1987 по 1993 год и считалась одним из символов перестройки.

Предсказательница воздела грязный перст с ярким облупившимся лаком:

– Скоро беда начнется. Не будет такой страны Советский Союз. И партии коммунистической не будет.

– А куда ж оно денется?

– Все кувыркком полетит. Заводы встанут. Деньги в бумажки превратятся. Много людей погибнет, ты близкого человека потеряешь. И только через бубнового короля спасешься.

У Богданы еще тысяча вопросов: кто умрет, мать или бабушка? С матерью у нее отношения так себе, а бабулю жалко. И как король бубновый выглядеть будет?

Но цыганка больше ничего не сказала – что за интерес забесплатно стараться?

Богдана с девчонками постоянно гадала – на картах, на кофейной гуще, – поэтому к пророчеству отнеслась со всей серьезностью. Немедленно бабушке бросилась докладывать.

Та поджала губы:

– Чего слушаешь всяких дур? С чего бы Советскому Союзу рушиться? Семьдесят лет стоит и еще тысячу продержится.

– Так перестройка! Ветер перемен!

Но старуха отмахнулась:

– Поболтают – и по-старому станет. Много раз так было. То НЭП, то кукурузу вместо хлеба растили. А потом все назад возвращалось.

Когда живешь в Кувшиново, действительно трудно в перемены поверить. Это в Москве с Питером и митинги, и доллары купить можно, и «Мерседес» на улице увидеть.

А у них только кооперативное кафе открылось на главной площади. Богдана с подружками заглянули: скатерти белые, известная на весь город хамка-официантка вместо грязного халата в белой наколочке. С кислым видом говорит входящим «Здравствуйте». А шашлык десять рублей порция! Хотя на рынке килограмм хорошей свинины по два пятьдесят.

Ну, и в школе событие. Трое десятиклассников объявили: выходят из ВЛКСМ. Билеты комсомольские на стол, взносы платить отказались. Раньше бы выгнали отовсюду с треском, а сейчас ничего, сошло.

Но в их семье ничего не менялось. И бабушка Богдану настраивала: «Хочешь принца – учись. Езжай в Москву, поступай в институт. И там себе выбирай – студента перспективного, лучше со столичной пропиской».

Богдана корпеть над учебниками ленилась и хотела в музучилище – с детства обожала петь. Голос приличный, а с корочками вообще куда угодно возьмут – хоть в хор, хоть в ресторан.

Но бабушка считала: вздор. «Звезд» только богатые любовники зажигают, а по кабакам петь для блатных – верный путь в пропасть. Убеждала Богдану готовиться в институт, где мальчиков много: автодорожный или строительный.

Впрочем, консенсуса (модное нынче слово) достичь не успели.

В 1991-м, когда Богдана училась в девятом, предсказания цыганки начали сбываться – да насколько стремительно! Инфляция, путч, пустые полки в магазинах, безденежье. Мамина швейная фабрика встала. Бабушкину пенсию задерживали, и купить на нее можно было все меньше. Историю КПСС пригвоздили, историю СССР переписывали. Школьные учителя выглядели растерянными. Вместо того, чтоб – как в советские времена – влепить «пару», неприкрыто тушевались от наглых вопросов: «Зачем нам – сейчас – ваша алгебра?»

Богдана искренне не понимала: в чем смысл с трудом поступать в институт, пять лет голодать на стипендию, а потом – как все учителя, врачи, инженеры – сидеть без зарплаты?

Вон, мать с дипломом, правда, техникума, – и что?

Пока социализм, была при деле. Местком, профком, курсы кройки-шитья, на выходные в дом отдыха от работы. А сейчас совсем потерялась. И выход нашла простой – каждый вечер успокаивала себе нервы над рюмочкой.

Богдана алкашей терпеть не могла и очень мамашу презирала. Бабушка тоже злилась, отнимала у дочери едкого цвета ликеры и разведенный сиропом из варенья сомнительный спирт. Заставляла смотреть Кашпировского. Заказывала наложенным платежом заговоры от пьянства. Водила кодироваться.

Но мать бралась за ум от силы на пару дней. Потом снова начинала скулить, что ей тошно, добывала где-то выпивку и глупо хохотала в ответ на бабушкины укоры.

Однажды в очередной раз крепко выпила, заснула – а утром нашли ее мертвой. От вскрытия бабушка отказалась, в свидетельстве о смерти написали, что сердечная недостаточность, но соседи болтали: спиртом «Рояль» отравилась. Он в Кувшинино многих погубил.

Внучка с бабушкой стали выживать вдвоем. Сначала с огорода пытались кормиться, но много ли выжмешь с трех соток? В итоге старуха решила открыть бизнес.

Каждый день поднималась в несветную рань, бежала занимать очередь в булочной. Покупала по тридцать батончиков хлеба, приносила домой в пластиковой клетчатой сумке. Днем вместе с Богданой фасовали – нарезали целлофан, оборачивали каждую буханку, склеивали утюгом. А вечерами, когда магазины закрывались, пожилая женщина отправлялась на торговлю. Возле автобусной остановки, на перевернутых ящиках, собирались старухи и продавали всякую всячину, от гвоздей до галош. Бабуля пробовала расширять ассортимент. Варил варенье, пекла пирожки, но быстро усвоила: хлеб – товар самый ходкий. Еще вобла неплохо шла, а лучше всего алкоголь. Но со спиртным она не связывалась. Боялась – после смерти дочери – покупателей погубить. Да и рэкет – тоже новая реальность – только к тем цеплялся, кто с водкой. Старушек с хлебушком благородно не трогали.

Богдана рвалась помогать в торговле, но бабушка не пускала:

– Дома сиди! Вечерами на улицах плохих людей много.

Не перестроилась еще. Надеялась, что внучка горбатиться над учебниками будет.

Но Богдана уроки не учила принципиально, с трудом перебивалась с «двоек» на «троечки». С директором, чтоб не выгнал за неуспеваемость, они договорились на бартер. Нынче в самодеятельность художественную по доброй воле никого не заманишь, а Богдана обязалась участвовать во всех концертах. Жалко, что ли, – если петь ей все равно нравится? Дома тоже постоянно себе под нос мурлыкала. И грезил о принце. Ну, или хотя бы о богатом спонсоре.

Предсказание цыганки про миллионеров ведь тоже сбылось. Даже в тихом Кувшинино нынче богачи появляются. Ревут двигателями иностранных автомобилей, блестят золотом, шуршат пачками купюр.

Бабушка новых хозяев жизни на дух не переносила, но у Богданы малиновые пиджаки, короткие стрижки и золотые цепи на бычьих шеях отторжения не вызывали.

Давно бы попробовала замутить, как сейчас говорили, баунти с кем-то из деловых, да бабушка устроила настоящую психическую атаку. Впрямую не отговаривала, зато очень часто таскала на кладбище. Сама возилась внутри родной оградки, сажала цветы на маминой могилке, но Богдану помочь не просила – отправляла пройтись, воздухом подышать. Та шлялась по аллеям, разглядывала памятники, высчитывала, кто сколько прожил, читала эпитафии. У стариков – скучища, кресты деревянные. Но очень много появилось свежих могил из дорогого гранита-мрамора. Улыбались с них сплошь молодые лица. «Ты смотришь с камня и молчишь. И в смерть твою поверить невозможно...»

Некоторых она знала – городок у них небольшой. В основном парни, конечно. Но частенько вместе с подругами расстреливали.

Расплачиваться жизнью за мимолетное богатство обидно, тут бабуля права. Да и жениться новые русские не стремились – предпочитали гарем себе завести.

Вообще никаких перспектив в стране: работать негде, замуж не за кого. А государство продолжало прижимать, закручивать, и все чаще в разговорах кувшининцев звучало: «Надо отсюда сваливать». Границы открылись, паспорта выдают свободно, валюту можно купить.

Сын соседки, очкастый «ботаник» (бабушка все уши пропела), английский выучил и в Америке пристроился, вожатым в скаутском лагере. Другие знакомые отыскивали дальних-предальних немецких родственников и отправились воссоединиться с семьей. А соседка наездами в Турцию гоняла. Привозила оттуда товар, потом торговала на рынке. Богдана попробовала подлизаться: «Не нужна ли помощница?» Но та отбрила:

- Вложишь деньги в дело – поехали вместе. Все ходы-выходы покажу.
- А сколько надо?
- Триста долларов.

Сумма заоблачная! Богдана сникла. Но пути, чтобы свалить, продолжала искать. Однажды в местной газетке увидела крошечное строчное объявление: «Работа для красивых девушек в Италии! Интим исключен!» Классно. Италия. Это вам не Турция. Да еще без интима. Может, петь надо? Или фотомоделью? Вдруг возьмут?

Богдана считала: уродилась она не козьявой. На конкурсе красоты, конечно, не победить, да там и куплено все. Но если привести себя в порядок и нормально прикинуться, вид очень даже товарный.

К собеседованию готовилась тщательно. Наварила картошки, распарила над кастрюлей лицо. Заточила несколько спичек, безжалостно выдавила со лба прыщики, а с носа – черные точки. Волосы накрутила на бигуди. Со всех подруг собрала одежды – замшевые туфельки из московского магазина «Ле Монти» за целых двадцать долларов, вываренные в кастрюле джинсы, кофта с роскошным люрексом.

И вертлявый мужик, что отбирал кандидаток, даже никакого собеседования проводить не стал. Сразу сказал:

- Ты нам подходишь. Загранпаспорт есть?
- Подождите, – взволновалась Богдана. – Вы расскажите сначала, что делать-то надо?
- Да не работа – сказка! Отдых! Днем спишь или на море ходишь. А вечером – наряжаешься, красишься и в ресторане гостей-мужчин встречаешь.
- В каком смысле «встречаешь»? – насторожилась Богдана.
- У входа, – улыбнулся дядька. – Улыбаешься, меню показываешь, приглашаешь зайти. А потом сидишь рядом, коктейли вкусные пьешь, комплименты слушаешь. Консумация называется. Двадцать процентов от счета – лично тебе. Плюс одежда, косметолог, массаж бесплатно.
- Так я ж итальянского не знаю!
- А зачем тебе? Аморе, дольче вита, белло – больше не надо.
- С какой стати мужчинам вообще меня угощать – если ни секса, ни даже поговорить?

Вербовщик сладко улыбнулся:

– Да просто слабость итальянцы питают к русским девушкам. Любуются – как картиной красивой.

И давит, требует: договор, предоплата, загранпаспорт срочно делать.

– Мне еще восемнадцати нет! – отбивалась Богдана.

– Решим. Доверенность нотариальную оформим, – напирал дядечка.

Но не уговорил – сбежала. Не дура! Понятное дело: коктейлями тут не ограничится. Спать с мужиками тоже заставят. Проститутка – по нынешним временам, конечно, не самая презируемая профессия. Но вряд ли на подобной работе мужа найдешь. Да и ресурс слишком быстро тратится. К тридцати годам будешь как бабка выглядеть.

Но идея попасть в Италию Богдану захватила. Конкретных путей пока не видела, но готовиться начала. Впервые в жизни за собственные скромные деньжата купила не шмоточку, не косметику, а самоучитель итальянского. А у старенькой учительницы музыки выпросила богатство: пластинку с «Травиатой» в исполнении артистов Ла Скала и все тексты арий. Целыми днями слушала, подпевала, старалась в смысл вникнуть.

В 1992-м году в России начала выходить газета «Из рук в руки». Богдана иногда покупала – поржать над рубрикой «Личные сообщения». Чего только не пишет народ! «Приму в дар авто в любом состоянии». «Меняю собрание сочинений Гоголя на новый пейджер». «Хочу ничего не делать и много зарабатывать». И объявления о знакомствах, как под копирку. «Ищу обеспеченного, со своей квартирой». Или сокращенно: «без м/ж п».

Интересно, хоть одна хищница таким образом миллионера нашла? Однако вскоре в «Из рук в руки» появилась вкладка международных объявлений. Это показалось уже интересней. Вырезай купон, заполняй, высылай – и твой текст опубликуют в любой точке мира. Почему бы не кинуть в итальянскую газету клич – что красивая и хозяйственная русская девушка ищет себе супруга?

Богдана уже и текст составила – на итальянском.

Но прежде чем отправить, посоветовалась с бабушкой. Та насупилась:

– Ну, ответят тебе. А дальше что?

– Переписываться будем.

– А потом?

– В гости позову.

– К нам в Кувшинино?

– Ну, или сама поеду.

– На какие шиши?

– Накоплю... а может, итальянец оплатит.

– У незнакомого мужчины деньги брать? А если маньяк окажется? Или из мафии?!

– Вот ты все-таки несовременная, – обиделась Богдана. – Все мои инициативы на корню рубишь.

Старушка улыбнулась печально:

– О твоём благе пекусь. Чтоб крылышки не обожгла.

– Что мне, до смерти в Кувшинино киснуть?

– Нет. Я нашла вариант, – вкрадчиво сказала бабушка. – Безопасный. В твоей любимой Италии.

– И чего молчишь? – взвилась внучка.

– Потому что не замуж. И не в содержанки. Работать там надо будет. Много и тяжело.

– А где работать?

– По хозяйству. Уборка. Или сиделкой с больными. Не кривись, не кривись! Да, не долече вита. Зато проверено: не «кидают». Паспорт не отбирают. Деньги платят небольшие, но честно. Из Кувшинино уже четверо уехали.

– Почему я не знаю?

– Потому что вы, свистушки, грязную работу презираете. Только бы замуж да в фотомодельки. И потом на панели оказываетесь. А тут специально, чтобы бездельниц отсечь, ограничение по возрасту – старше тридцати.

– Значит, я не подойду, – вздохнула она почти с облегчением.

– А ты попробуй. Волосы в косу собери. Расскажи, что сама дом ведешь, борщи варить умеешь. Вдруг проскочишь? Собеседование завтра, в Доме культуры.

И Богдана пошла.

Народу на отбор – целая толпа гудит в коридоре. Разношерстная – девушки, тетки, бабки. Несколько мужичков даже затесались. В кабинет, где анкету надо заполнять, запускают по трое. Богдана заняла очередь, стала слушать, о чем народ говорит, и приуныла. Берут мало кого. Если дети маленькие, гонят сразу, молодых и безмужних тоже. Одну отправили за то, что зубов нет передних. Другая выскочила, щеки пылают, возмущается:

– Мотивации, сказал, у меня нет! А кто она такая, та мотивация?

Вот необразованная! Богдана и то знала.

Когда вошла в кабинет (вместе с двумя потертыми дамами), собеседователь, молодой, румяный парнишка, ей даже бланк анкеты не дал. Сдвинул сурово аккуратные бровки:

– Девушка, вы читать умеете? В объявлении черным по белому: кандидатуры старше тридцати лет.

Вроде сердится, но глаза не злые. Чего не попробовать? Улыбнулась сладко:

– Извините. Я просто подумала, что моя мотивация убедит вас закрыть глаза на возраст.

Он взглянул с интересом:

– А ты забавная. Ну, ладно. Расскажи. Что тебя мотивирует мыть унитаза?

– Хочу денег скопить на учебу.

Тетки анкеты заполняют, поглядывают злобно.

А молодой человек Богдане новый вопрос задает:

– И на кого учиться хочешь?

Она продолжала заливать:

– Меня гостиничный бизнес интересует.

– Зачем для этого в уборщицы идти?

– Для затравки. Чтоб зацепиться. Потом в отель устроюсь горничной. Итальянский доведу до совершенства. А дальше в университет поступлю.

Тот взглянул с интересом:

– Ты итальянский знаешь?

– Учу.

Тетки анкеты заполнили, сдали, парень, не глядя, кинул их бумажки в стопку:

– Позвоним, если подходите.

В кабинет следующие зашли, а он все с Богданой. Перешел на итальянский, спросил, сколько лет и какие хобби. Вторая часть вопроса явно с подвохом.

– Люблю пирожки печь. – Не соврала, под бабушкиным руководством и правда умела. – И пою еще.

– А мечта какая?

Бывалые мужики сразу видят, когда у женщины мечта всей жизни – замуж. Но этот, по счастью, пока не беркут – птенец. Главное, лицо честным сделать.

Она вспомнила интонации старенькой учительницы по музыке и ответила с придыханием:

– Мне бы так хотелось услышать «Травиату»! И чтобы обязательно Риккардо Мути за пультом!

– Это кто еще такой?

Ага, попался!

Она взглянула с укором – как, мол, можно не знать столь элементарных вещей:

– В Ла Скала главный дирижер.

Молодой беркут прыснул:

– Ну, ты острячка! Ладно. Заполняй анкету.

– Возьмете, что ли?

– Не знаю пока, – отозвался он важно. – Но кандидатуру рассмотрим.

* * *

Молодой вербовщик по имени Мирон ей позвонил в тот же день. Почему – Богдана так и не поняла. То ли легенда сработала, то ли просто понравилась она ему.

Парень, хотя строил из себя тертого калача, до всевластного и наглого нового русского пока не дорос. Когда Богдана заполняла под его руководством бумаги на загранпаспорт, приобнял – вроде как случайно.

Она ему строго:

– Вы это зачем сделали?

Малиновый пиджак еще крепче к себе притянул бы, а этот сразу отпрянул. Хотя вроде при деньгах человек, по границам раскатывает.

С прочими кандидатками – без церемоний, покрикивал. Дистанцию четко обозначал: он начальник, они – дуры. А с Богданой – трепетно, почти с уважением. Похоже, в ее легенду про университет поверил. Ох, лопух! Попросил бы принести аттестат— с одними сплошными «тройками» – и сразу все понял. Богдана даже стала раздумывать: может, романтику с ним закрутить? Попробовать замуж загнать? Но ее заводили мужики мощные, наглые, а Мирон худенький, тонкокостный, вежливый. Да и вожделенная Италия теперь совсем рядом, пьянит, манит. Лучше там попытать счастья.

Документы на выезд Мирон оформил ловко и быстро. Двух месяцев не прошло – уже и паспорт, и виза, и легенда, что в турпоездку летят. Бабушка трепыхалась, пыталась даже телевизор продать – чтоб внучке денег в дорогу побольше. Богдана учила итальянский и практиковалась в уборке. Раньше самой грязной работы дома избегала, а тут впервые в жизни унитаз отдраила. Дело оказалось не хитрым, но довольно противным.

«Ничего, – успокаивала она себя, – долго в горничных не задержусь».

Мирон, правда, постоянно читал лекции: золотое правило успешной домработницы – знать свое место. И русские девушки в Италии уже успели занять не очень хорошую репутацию. Местные считают, будто каждая *дать* готова – за колготки и пару бокалов кампари. Есть целые отели, где селятся приехавшие из России – торгашки или просто искательницы приключений. И на вечерние дискотеки туда изо всех ближайших городков итальянские кобели едут. К огромному неудовольствию местных дам.

– Так что на улице одни не суйтесь. Самцы прохода не дадут, а бабы – глаза могут выцарапать, – пугал Мирон.

Но Богдана не сомневалась: от надоедал она отобьется. И своего принца – непременно найдет.

Бабушка, когда прощались, плакала. Внучка притворялась, что тоже расстроена, а сама не чаяла, когда постылое Кувшинино наконец останется позади.

Еще на организационных собраниях поняла: с группой – а летело их человек двадцать – дружить не интересно. Все старше и типичные тетки. Худо одетые, усталые, с потухшими глазами. Похоже, действительно собирались остаток жизни в чужих домах унитаза мыть. За границей никто ни разу не был и в поездку собирались основательно, по-русски. Хвастались, что кипятильники с собой взяли, консервы рыбные, крупу гречневую. Самая прогрессивная – грудастая дама по имени Эльвира – щегольнула:

– А переходники у вас есть? Там розетки-то другие, нашу вилку не вставишь.

Но тетки выскочку прижали:

– Да запросто можно вставить, мы выясняли! Срезать чутка, и влезет!

«Боже, что за мелочные, глупые разговоры!» – снисходительно думала Богдана. Лично она никаких кипятильников не брала – только палочку сырокопченой колбаски бабушка добыла и сунула в чемодан.

Всю дорогу до Москвы она притворялась, что спит (выехали, чтобы успеть к самолету, в два часа ночи), в общих разговорах не участвовала.

На самолете Богдана прежде летала единственный раз – из Домодедово в гости к тетке в Сыктывкар. Но международный аэропорт «Шереметьево-2» оказался куда круче. Чисто, ароматы кофе и хороших лосьонов витают. Надписи на английском. Стюардессы холеные, словно фотомодели. Иностранцы. Магазины с матрешками. Только тетки на регистрации злые. Видно, от зависти, что все уезжают, а им бесконечно билеты регистрировать и счастливого пути желать.

И вот, наконец, заветная красная полоса на полу. Граница. Между бедностью и богатством, старой жизнью и новой.

Богдана робко коснулась черты носком туфли.

– Дзызынь! – раздалось в ухо.

Она вздрогнула, дернулась. Мирон хохочет:

– Это сигнализация сработала.

– Там, что ли, уже Италия? – искренно удивился кто-то из группы.

– Дура! Там полоса нейтральная! – пропел «под Высоцкого» Мирон.

Богдана с удовольствием подхватила:

– ...а справа, где кусты, – наши пограничники с нашим капитаном, а на левой стороне – ихние посты.

– Гражданка, потише! – выкрикнула из будочки за красной чертой толстая тетка в погонах.

Богдана испугалась, притихла.

Еще ссадят с рейса в последний момент. Да и рано веселиться. Впереди – абсолютная неизвестность. Маленький чемоданчик, капитал в девяносто долларов (сотни, для круглого счета, они с бабушкой собирать так и не смогли). Туристическая виза на месяц. Где она будет сегодня спать? Что есть? Или даже отдохнуть не дадут с дороги – сразу погонят мыть чей-то туалет?

Но переступили красный рубеж, в паспорт шлепнулся штамп о выезде – и страх сменился восторгом.

Полоса нейтральная оказалась вся усеяна сверкающими магазинами, бары подмигивали иллюминацией, даже газетный киоск на западный манер – на стеллажах, в открытом доступе, вода, газеты, жвачки.

В группе сразу оживились, стали обсуждать: много ли воруют? И сколько народу попадают?

Мирон усмехнулся:

– Всех берут. Тут скрытых камер полно.

И обратился к своим подопечным:

– Предупреждаю сразу: в Италии еще хуже. Вроде товар в доступе открытым, никто не караулит, а на самом деле или заснимут, или человек добрый настучит. И прощай, Европа. Навсегда въезд закроют. И штраф еще влепят.

Будущие горничные сбились в кучку, внимая своему пастуху.

Мимо них текли расслабленные иностранцы. Новые русские в заграничных пальто поглядывали презрительно. Одна из теток (она все бары разглядывала) громко вскрикнула:

– Ой! Пиво! «Гиннесс» настоящий!

– Два доллара, – просветил Мирон. – Хочешь – иди покупай.

– Нет-нет, – перепугалась та.

– Я бы тоже выпила. Если ты угостишь, – улыбнулась Богдана.

Ей нравилось смущать Мирона (совсем молодого, но исключительно важного в своей миссии).

Поводырь запунцовел, нахмурился:

– Подождешь. В самолете тебе нальют. Бесплатно. Но не «Гиннесс». Чего попроще.

Богдана не отставала:

– А на ужин в пиццерию поведешь? В настоящую?

– Не ходи, Богдана, в пиццерию, там мафия, – ответил он модной в те годы присказкой.

– Обьедков из ресторана тебе дадут, – предрекла Эльвира.

Но Мирон загадочно улыбнулся:

– Нет, девочки. Сегодня мы гуляем. Я вас в честь приезда на ярмарке буду кормить. В Болонье.

– Что еще за ярмарка?

– Ну, павильоны, как в Москве на ВДНХ. И много ресторанчиков выездных. Креветки на гриле, та же пицца. Говорят, что лучшая в Болонье.

«Болонья! Как звучит!»

Просто не верилось, что в городе с подобным названием тоже есть грязные унитазы и заляпанные полы.

Побродить по дьюти-фри Мирон своим подопечным так и не дал:

– Ходите со мной, а то растеряетесь.

И даже в туалет повел скопом. Дамы там задержались. Ничего себе, даже в России цивилизация! Слив на фотоэлементах, вода идет – когда к крану руки поднесешь. Что же в Европе будет?!

Сначала ахали, потом долго-тщательно обновляли макияж. Когда вышли, от Мирона влетело:

– Сколько можно! Уже посадка! Ах, морды вы красили? Ну, ладно. В последний раз можно.

– Это почему в последний?

– Потому что горничная должна быть бесцветной. Иначе хозяйки вам быстро небо с овчинку устроят.

Эльвира пробурчала:

– Эх, надо было все-таки в стрип-бар вербоваться.

Долетели быстро, в самолете вкусно поели, выпили на халяву вина. Те, кто дымил, бегали в хвост, на места для курящих. На посадке дружно прилипли к иллюминаторам. Даже с высоты видно: Европа! Крыши аккуратные, дороги чистые. И ездят – сплошь иномарки! Правда, крошечные совсем.

Легенда Мирона (туристическая группа и жить будем в таком-то отеле) не понадобилась. Ослепительный итальянский пограничник объял Богдану жарким взглядом и стрельнул певучей тирадой – раза в три быстрее, чем на учебной аудиокассете.

– Che?² – растерялась девушка.

– Желает тебе счастья в его прекрасной стране, – пришел на помощь Мирон.

– Grazie mille!³ – вежливо отозвалась она и изобразила европейскую улыбку.

А официальное лицо – вместо того чтоб шлепнуть паспорт на стойку – вручил документ лично в руки. И слегка задержал свою жаркую кисть на ее пальцах.

«Прав Мирон. Ухо остро надо держать. Хорошо, что я не на консумацию работать пошла».

Но если каждый хозяин (или его сын, брат, сват) начнет ее домогаться, наверно, еще хуже будет. Прав-то никаких нет. Даже виза – и та через месяц кончится.

Богдана, в толпе соотечественниц, шла по аэропорту, разглядывала публику, и черная зависть точила ей сердце. Ну, почему она родилась не здесь? Почему ее ровесницы – такие уверенные, потрясающе одетые? Стрекогут по-итальянски, обнимают своих кавалеров. И им не надо мыть туалеты, откладывать каждую тысячу лир⁴, бояться, что депортируют из страны?!

Прочие вырвавшиеся из России женщины пребывали в радостном возбуждении, а на Богдану снизошло прозрение. Горестное. Никому она здесь не нужна. Прав Мирон: унитаз мыть

---

² Что? (итал.)

³ Большое спасибо! (итал.)

⁴ По среднегодовому курсу 1993 года примерно 600 рублей. Хлеб стоил 300 рублей. Инфляция за год составила 840 процентов.

доверят. На ночь – с удовольствием снимут. А в принцессы не возьмут. И еще очень обидно, что итальянский (не учебный, а тот, на котором здесь говорили) она почти не понимала.

– Чего скисла? – ткнула ее в бок Эльвира. – Заграница, красота! Ща на ярмарку поедем, пиццу жрать!

Их встретил автобус. Чемоданы запихали в багажный отсек, расселись. Покорительницы Италии прильнули к окнам. Ну, просто чудо, чудо! Прямо на улице цветы в горшках. Возле кафе на тротуарах столики, плетеные кресла, народ винцо попивает. Машины останавливаются, чтобы пешеходов пропустить. И от каждой витрины дух захватывает. То цельный поросенок в россыпи яблок, то манекены в платьях неопикуемой красоты.

А ярмарка, куда в итоге приехали, с виду и правда ВДНХ. Только павильоны в стороне, а на центральной площади веселье. Музыка, ароматы такие, что прямо хоть воздух режь и лопай. Посредине столы длинные, вокруг них очаги пылают, и там чего только не варганят повара в белоснежных колпаках! Пиццы всех видов, креветки на гриле, лапша удивительная, коричневая, рис непонятно с чем.

Мирон просвещал:

– Ризотто называется. А лапша – это вообще китайская, называется вок.

Еды набрали целую гору. Парень безропотно оплатил. Еще и вина принес, огромную пятилитровую бутылку. День весенний, воздух теплый, Мирон за всеми ухаживал, подкладывал, подливал, просвещал:

– Для пиццы приборы не нужны. Все итальянцы руками едят. А спагетти, наоборот, – их на вилку накручивать надо, в несколько слоев.

Дамы наелись, поддали. Разговоры становились все громче, смех визгливее. Богдана в общем веселье не участвовала. Сидела в дальнем конце стола, смаковала королевских креветок, разглядывала итальянцев – сюда, на ярмарку, целыми семьями приходили. Женщины чаще дородные, властные, на мужчин своих покрикивают. Те вроде слушают смиренно, но глазами так и шустрят по сторонам. И тараторят, тараторят все – с такой скоростью, что ни слова не разберешь.

Мирон, наконец, закончил с ролью распорядителя. Подошел к ней. Спросил:

– Чего приуныла?

Она ответила честно:

– Сложно мне будет в итальянской семье.

Поводырь присел рядом:

– Поэтому и не хотел тебя брать.

Богдана осторожно спросила:

– А кто решает, где я работать буду?

– Мы сегодня ночью переедем в Козенцу, это восемьсот километров отсюда. Там у меня помещение снято. Домохозяйки тамошние знают, что завтра заезд, со всех ближайших городов поедут себе помощниц выбирать. Посмотрели друг на друга, пообщались, понравились обоюдно – контракт подписали.

– Значит, я тоже могу выбирать?

– Конечно, можешь! Я в бизнесе давно. Подскажу, к кому тебе точно не надо.

Он подумал секунду и добавил:

– А хочешь, вообще не ходи на смотрины. Я девочек пристрою, и вместе вернемся в Москву. Ничего мне должна не будешь.

– Мирон, – она захлопала ресницами, – ты такой чудесный!

Может, не искать счастья за тридевять земель, но остаться с ним, таким милым, добрым? Но тогда ведь точно не встретишь итальянского миллионера из предсказания цыганки.

И Богдана покачала головой:

– Нет, Мирон. У меня есть цель. Мотивация. Я не могу: даже не попробовать – и сразу сдаться.

Не от души говорила, но он поверил. Взглянул с восхищением, грустно сказал:

– Конечно, Богдана. Я сразу понял: слишком мелко для тебя плаваю. Ты другого полета птица.

«Ничего ты не понял».

Но отыгрывать назад было поздно.

* * *

Никого из товарок не смутило, что только с утра прилетели, время позднее, а впереди еще ночь в дороге. Поворчали для приличия, поскидывали обувь, развалились в креслах, да и захрапели.

Богдана сидя спать не умела и ночь в автобусе еле пережила. То проваливалась в сон, то выныривала. Водитель – с виду итальянец – лихачил, как новый русский. Сумасшедше разогнался, резко тормозил. Шоссе петляло, извивалось, вино с креветками бултыхалось в желудке.

На рассвете въехали в Козенцу, но море и чаек Богдана увидела только краем глаза – автобус сразу свернул на окраину, попетлял и остановился подле унылого трехэтажного здания. Выглядело оно, пожалуй, даже уродливее, чем подобные в России. И внутри тоже никакого намека на границу – обычная общага.

Расселили их по четыре человека в комнате – стены голые, штор нет. Мирон велел: пока отдыхать, но к трем быть во всеоружии.

Целую речь толкнул: что судьба будет решаться. И день сегодня даже важнее, чем смотрины у родителей жениха. Нужно, чтобы тебя купили, а для этого – выглядеть милой, работающей, исполнительской. И скромной, обязательно скромной.

Пугал:

– Кто напялит лосины, сразу штраф!

И тетки – нет бы самим поспать и ей отдохнуть дать – все утро галдели, перебирали чемоданы, искали подходящие шмотки.

Но все равно нарядились на невольничий базар, как в провинциальный ресторан. У одной белые штаны и блуза с бантом, у другой юбка (спереди разрез почти до пупа) и бархатный пиджак.

Мирон пришел в ярость. Бегал по комнатам, надрывался:

– Я сказал: неприметно! Неярко! А вы что напялили?!

Богдана тоже про себя хихикала. Сама она надела единственные свои джинсы (черные) и безразмерный свитер бабушкиной вязки. Волосы заплела в косу, глаза красить не стала. Мирон взглянул одобрительно, переодеться не погнался. Но все равно пришлось ждать, покуда остальные пройдут фейсконтроль. Бедные будущие горничные смывали тушь-подводку, а Мирон лично перетряхивал чемоданы, ловко вылавливая самое неприглядное.

– Чего уродок из нас делаешь? – причитали тетки.

– Не нравится – могу тебя на порностудию продать, хочешь? – огрызнулся он и кидался на грудастую Эльвиру: – Куда, куда ты свой пятый размер обтянула? Быстро снимай облипку, ищи что-нибудь свободное!

Богдана устроилась на подоконнике в коридоре и завела:

– Подмосковный городок,
Липы желтые в рядок,
Подпеваает электричке

Ткацкой фабрики гудок!⁵

Кто уже был одет, песню подхватил и – но получалось без оптимизма. Тоскливо, по-бабьи.

Эльвира – обряженная в безразмерный балахон – с отвращением отвернулась от зеркала, буркнула:

– Да уж лучше б я в России на фабрику подалась!

– Приватизируют скоро все фабрики, – заверил Мирон, – людей на улицу вышвырнут. А тут Европа. Стабильность. На свою зарплату семью сможете содержать.

Тетки притихли. У всех дома полна корбочка нахлебников – только закидывай корм. Детей надо поднимать, родителей немощных поддерживать.

Богдане посвободней – бабушка велела:

– Ничего слать даже не думай. Вообще про меня забудь, я не пропаду. На себя откладывай. Может, правда в музучилище поступишь. В итальянское. А потом и в Ла Скалу возьмут – хоть в пятый ряд хора.

Богдана ни в какое училище идти больше не собиралась. Замуж и безо всяких дипломов возьмут. А еще – ей Мирон рассказал – можно на круизный лайнер устроиться. Путешествуешь по всему миру бесплатно, днем гуляешь, по вечерам – поешь в ресторане, питаешься на халяву и зарплату получаешь. Неплохой запасной вариант – если принца найти не удастся.

«Но главное сейчас – в Италии застрять». Туристическая виза закончится через месяц, и грядущее нелегальное положение Богдану очень тревожило.

* * *

В три часа пополудни Мирон, наконец, вывел своих подопечных на улицу. Автобуса не подали, но идти оказалось недалеко – всего пара кварталов. Вывеска на входе в одноэтажный дом обещала пиццерию, но внутри помещение выглядело советской столовкой, только без всякой еды. Голые стены, пластмассовые столы-стулья. Мирон велел:

– Рассаживаемся каждая за свой стол, по одной! Юбки одернули, ногу на ногу не кладем!

Он обошел свое стадо и вручил всем по распечатанному листочку. Богдана немедленно взялась переводить. Имя. Возраст. «Non fumo»⁶.

– Богданка! – крикнула Эльвира от соседнего столика. – А «пулита» – это кто такая?

– Не знаю. Наверно, быстрая. Как пуля.

– А «опероза» что значит? Петь, что ли, заставят?!

Подлетел Мирон, фыркнул:

– Ох, дремучие! «Опероза» – работающая. «Пулита» – аккуратная.

– Как общаться-то будем с хозяйками, если мы по-ихнему ни в зуб ногой? Хоть поможешь? – возмущалась Эльвира.

– Вас двадцать, я один. Школьный английский вспоминайте. Но его здесь тоже не особо знают.

К счастью, вышло не настолько страшно. Итальянские работодательницы горничных из России явно выбирали не в первый раз. Минимально объясниться по-русски могли. «Водка не пить, мужиков не водить, технику не ломать».

Но экзотика тоже встречалась. Богдане – вот уж настоящий рынок невольниц! – толстая, одышливая бабища рукой в рот полезла. Девушка перепугалась, начала отбиваться. Мирон примчался на помощь, перебросился с работодательницей парой фраз, успокоил:

---

⁵ Стихи Михаила Танича.

⁶ Не курю (итал.).

- Хочет зубы твои проверить.
  - Зачем?
  - Вдруг плохие?
  - А ей-то что?
  - Как что? Стоматологи в Италии дорогие.
  - А медицину разве она оплачивает?
  - Нет, конечно. Потому и боится. Когда зуб болит, от горничной толку мало.
  - Фу, гадость какая. Я сама к такой работать не пойду.
- Богдана отвернулась от противной тетки.

Разочарование нарастало. Из российского далека иностранцы представлялись такими утонченными, породистыми, приятно пахнущими. А на деле – рыночные торговки. Интонации базарные, голоса скрипучие. Каждая вторая с усиками. И одеты безвкусно, почти по-цыгански.

Собственная бабушка – хотя тоже нынче на рынке стояла из-за тяжелых времен – выглядела куда интеллигентнее.

- Зря ты ее прогнала, – хмыкнул Мирон, – она пятьсот тысяч лир предлагает.
- Это сколько?
- Почти триста пятьдесят долларов⁷.
- Ничего себе! – опешила Богдана.
- Но работать надо без выходных. И ночью вставать. У нее мать в маразме.
- Не, тогда точно не хочу.

Он предрек:

- Другие и за двести припадут. На то же самое. – И отошел.

В столовке-пиццерии становилось все душнее, тетки-работодательницы источали тяжелые цветочные ароматы, от визгливых, неприятных голосов у Богданы начала трещать голова.

Все чаще вспоминала она предложение Мирона – остаться с ним – и все привлекательнее оно казалось. Не нужна ей такая Италия.

Но тут – будто небеса услышали отчаянный глас – к ее столу подошла немолодая пара. Вот эти выглядели настоящими иностранцами, точно как в кино. Сухощавый джентльмен при галстуке. Далеко не юная, но потрясающе холеная дама в кокетливой шляпке. У него в руке трость с серебряным набалдашником. У нее на пальцах бриллианты.

Богдана инстинктивно подобралась, распрямила спину, сложила паинькой ручки на коленках, опасливо улыбнулась, в смущении пробормотала:

- Бонжорно!

Пара замедлила шаг, обменялась репликами. Богдана услышала:

- Ancora una ragazzina⁸.

Богдана знала, что девушка по-итальянски *ragazza*. А *ragazzina* – понятно, малявка совсем.

Она решительно произнесла по-итальянски:

- Я не рагацина, мне девятнадцать лет.

Респектабельные супруги переглянулись. Синьора пробормотала:

- Rischioso⁹...

«За кобеля своего боится», – догадалась Богдана.

И как на чужом языке объяснить, что не собирается она чужого мужа отбивать? Тем более у джентльмена – уже старческие пятна и лысинка проглядывает.

- У меня есть принципы, – пробормотала она.

---

⁷ Курс по состоянию на конец июля 1996 года.

⁸ Совсем девочка (*итал.*).

⁹ Рискованно (*итал.*).

Синьор с синьорой переглянулись – похоже, не поняли.

Ладно, объясним популярнее:

– Дома, в России, у меня остался муж!

– Правда? – заинтересовалась дама и отдельно, словно для тупой, произнесла: – Вы знать английский?

– Да, немного знаю, – смутилась Богдана.

– Говорите лучше на нем. Я не понимаю ваш итальянский.

Вот это обидно. Но что поделаешь. Попробуем вспомнить английский – училка в школе доставучая была, кое-что в голову вбила.

– I have a husband! And I love him a lot. But you know, the situation in Russia is difficult. We can't afford a baby. So I came here to make some money to realize our dream!¹⁰ – вдохновенно импровизировала Богдана.

Пара напряженно вслушивалась в ее неуверенный монолог. Подошел Мирон, уловил, о чем речь, удивленно присвистнул. Она сделала страшные глаза.

Выдавать ее он не стал – в заграничных паспортах штампов о браке все равно нет. Присел за столик, побеседовал с благородными синьорами на быстром и пока непонятном ей итальянском. Потом озвучил Богдане условия:

– Дом громадный – тысяча квадратных метров. Ежедневная уборка. Стирка. Глажка. Сложная бытовая техника. Если сломаешь, будешь платить штраф. Жить в одной комнате с кухаркой. Помогать ей готовить. Выходной раз в месяц. Каторга. Четыреста тысяч.

– Это сколько?

– Двести шестьдесят долларов. Очень мало.

– Зато они не галдят и не смотрят мне в зубы! Скажи им: я согласна!

– Богдана, помнишь, что я говорил тебе вчера? Надо идти к хорошим, проверенным хозяевам. А эти вообще не из этих краев. Кто знает, что они за люди?

– Они хотя бы интеллигентные, – отрезала Богдана. – Наверняка в оперу ходят. В отличие от остальных здешних деревенщин.

– О чем вы говорите? – властно вмешалась в разговор синьора.

Богдан объяснил:

– Она мечтает сходить в Ла Скала и посмотреть на этого, как его там... Рикардо Мути.

Итальянцы переглянулись.

– Какие-то настораживающие амбиции, – проскрипела дама.

Ее пожилой спутник примирительно произнес:

– Зато выгодно. Вместо премии можно подарить девушке билет на галерку. Милан от нас недалеко.

– Вы приехали с другого конца страны? – удивился Мирон.

– Случайно получилось. Мы посещали Акри¹¹, и хозяйка местной гостиницы рассказала про ваш бизнес, – объяснил джентльмен. – А нам как раз нужна горничная.

* * *

Богдана всю жизнь прожила в частном доме. В детстве бегала на улицу в туалет и ужасно боялась случайно в выгребную яму заглянуть – вдруг оттуда выглянет что-то ужасное?

---

¹⁰ У меня есть муж. И я очень его люблю. Но вы знаете, ситуация в России сейчас сложная. Мы не можем позволить себе ребенка. Поэтому я приехала сюда заработать для своей мечты денег! (англ.)

¹¹ Акри – город в провинции Козенца, расположенный на трех холмах в долине рек Муконе и Каламо на границе национального парка «Сила». Эта территория была обжита людьми еще в эпоху неолита (3500–2800 гг. до н. э.).

Но со временем обжились. Сделали теплую уборную, поставили бойлер. Комната у Богданы всегда отдельная была. Пусть несолидные восемь метров, зато собственные, украшай, как хочешь, и за бардак никто не ругает.

Подруги жили похоже, и не факт, что хрущевка с низкими потолками и шумными соседями лучше, чем их деревянный домик. А в элитарных обкомовских квартирах Богдана сроду не бывала – не приглашали.

Роскошь видела только по телику.

Мирон – когда обрисовывал будущую работу – рассказывал: итальянцы, конечно, просторнее живут, чем в России. Но обычный стандарт – квартира площадью метров в сто.

А тут вдруг у людей особняк. Трехэтажный! Десятого века постройки.

– Мне повезло? – спросила Богдана у Мирона.

Тот нахмурился:

– Не знаю. Я проверил: вроде нормальные у тебя хозяева. В криминале, ни в чем таком не замешаны. Но тут, на юге, народ попроще. Поорут, из ружья пальнуть могут. Не со зла. А ты-то на север поедешь. Озеро Комо, город Менаджио. Там аристократия. Фиг знает, что у них за скелеты в шкафу.

Но Богдана упорствовала:

– Лучше аристократы, чем эти цыганки.

Респектабельная пара подписала с Мироном контракт, забрала себе Богданин паспорт.

Девушка забеспокоилась:

– А если меня на улице остановят? Как без документа?

– Это не совок. Здесь не проверяют.

– Но я не хочу без паспорта!

– Богдана, это обычная схема, – принялся объяснять Мирон. – Твои хозяева уже оплатили – перелет, мои услуги. Когда отработаешь все это – паспорт тебе вернут. А если понравишься им – они сами тебе визу продлят. Или даже рабочую сделают.

Увидел, что она совсем повесила нос, подбодрил:

– Не волнуйся. Это в эскорте – использовали и выкинули без гроша. А хороших горничных ценят. Не обижают. Только свое место не забывай. – Он вздохнул и прибавил: – Хотя не твой это путь – быть домработницей.

– Но у меня план!

Мирон отмахнулся:

– Хреновый у тебя план. Лучше бы со мной осталась.

И церемонно пожал руку на прощание.

А Богдана взяла чемоданчик и пошла к машине своих новых хозяев.

Неплохо. «Мерседес»! Синьор (сказал называть его «просто Марио») навстречу не вышел. Зато багажник зажужжал и распахнулся сам собой. Она уложила свои вещи. Вот это техника!

Богдана проскользнула на заднее сиденье и сложила руки на коленях.

– Пристегнись, – велела синьора (ее звали Пирина).

Во глупость! В России даже на переднем сиденье нормальные люди ремешки только через плечо перекидывают, а здесь сзади нужно.

Она с трудом нашла ремень, и «Мерседес» как бешеный рванул с места. Богдана заглянула вперед, на спидометр. Ничего себе, уже сто километров в час! А скорость вообще не чувствуется. Кожаные сиденья приятно холодят попу, музыка из множества колонок, звук нежный, объемный.

И Богдана – хотя дала себе слово глупых вопросов не задавать – ляпнула:

– Скажите, а вы точно не мафия?

Рафинированная Пирина сразу неодобрительно губы поджала. Но глава семьи рассмеялся:

– Не бойтесь, Богдана. Я обычный инженер. – Перехватил ее недоверчивый взгляд и уточнил: – Но родители оставили мне неплохое наследство.

Богдана надеялась – раз едут с юга, от итальянской «подошвы» вверх по всему голенщику, – красоты разные повидать. По пути (или почти по пути) Неаполь, Рим, Флоренция. Но увы – никто ее развлекать не собирался. Даже Милан объехали какими-то закоулками. Больше тысячи километров проделали в один день. Работодатели сразу дали понять, кто здесь главный. Сами в дороге то и дело перекусывали – лопали салями, лосося копченого, заедали оливками (судя по запахам, витавшим в машине, все дорогущее). Богдану элитной пищей не угощали – кормили сэндвичами с заправок. Когда ближе к вечеру заехали в городок Чезена, Марио с женой отправились ужинать в ресторан на площади дель Пополо. А новоиспеченной горничной купили в уличной лавке пиццу, бутылку воды – и посоветовали прогуляться, фонтан Мазини посмотреть. Она послушно бродила вокруг, грызла пиццу, разглядывала прихотливые скульптуры дельфинов, грифонов и отчаянно завидовала парочкам, что сидели на ступеньках, болтали и обнимались.

Одинокие мужчины и особенно парни поглядывали с интересом, но с наглыми предложениями не приставали. Видно, доступные русские девушки еще не заезжали в этот небольшой городок и репутацию России не испортили. Надо как-то раскрепоститься, возможно, самой знакомство завязать.

Но голова почему-то все время втягивалась в плечи, а улыбка получалась жалкой.

Мимо проходила компания местных, один из парней притормозил, задал вопрос – очень быстро, она опять не поняла, перепугалась, пробормотала:

– Скузи?¹²

Итальянец строго спросил:

– Галина?

– Богдана.

Неужели познакомиться получилось?

Но нет – парни дружно заржали и прошли мимо.

И что это было?

Когда хозяйева, наконец, выплыли из ресторана, Богдана первым делом поинтересовалась:

– Мое имя по-итальянски звучит смешно?

Марио – сытый, благостный – удивился:

– Нет.

– А Галина?

– А gallina – это курица. Не цыпленок, а именно курица. Уже в возрасте.

Он расхохотался и ущипнул жену за бок. Та поджала губы.

От обоих прилично пахло спиртным, но Богдана уже знала: итальянские карабинеры – в отличие от наших гаишников – пристегиваться заставляют, но к подобным мелочам не цепляются.

И снова – машина, шоссе, чужие, непонятные разговоры.

В Менаджио въехали после полуночи. Город старинный, современных зданий вообще не видно. Протряслись по булыжной мостовой, попетляли по узким улочкам, свернули в совсем уж скудный переулочек. Венчался он тупиком. Но Марио скорость не сбавил. Богдана вцепилась в сиденье. Устал-перебрал? Предупредить его, взвизгнуть?

Но в этот момент высоченная стена медленно поползла вбок.

---

¹² Простите? (итал.)

Бог мой! Ворота на пульте! Прежде Богдана такое только в кино видала. А дальше вообще сумасшествие. Подъездная аллея в обрамлении тисов. Крыльцо из пяти мраморных ступеней. Огромные арочные окна, эркеры, лужайка с бассейном.

Зря Мирон сказал, что она сделала неправильный выбор!

На пороге дома появилась грузная дама в белоснежном переднике.

Она приветствовала хозяев по-итальянски, но Богдана сразу поняла: тетушка из наших. Славянка. Вот хорошо, если с Украины! Будет хоть с кем поболтать.

Окружающая красота пьянила, и девушке ужасно хотелось рассмотреть дом. Как здесь вообще все организовано? Висят ли портреты благородных предков по стенам? Есть ли джакузи? И где, к примеру, хранится парадная посуда? Вряд ли в сервантах из ДСП.

Но Марио решительно произнес:

– Баста.

Разгрузить багажник он не потрудился – не оглядываясь, отправился вверх по широкой лестнице.

Пирина за ним не пошла. Поманила немолодую кухарку и Богдану к машине, показала на свой чемодан. Весил тот не меньше двадцати килограммов, но прислужницы поднатужились, справились и под аханье хозяйки (боялась, что поцарапают автомобиль) вытащили.

Повариха, на плохом русском, приказала:

– Покажу путь.

Они вместе приволокли багаж в хозяйскую спальню. Ничего себе будуарчик! Потолки метров пять, портьеры покруче, чем в Эрмитаже. Кровать сумасшедших размеров. Туалетный столик с двумя амурчиками.

Богдана осмелилась пошутить:

– Надеюсь, моя комната не хуже?

Кухарка вслушивалась напряженно – но смысл поняла. Усмехнулась:

– Она барыня. Ты Золушка. Пойдем твой подвал.

И пока вместе спускались – сначала на первый этаж, а потом еще ниже, в цоколь без окон, – Богдана успела выяснить: повариху зовут Грасей, она из Польши и работает здесь тоже совсем недавно.

– А кто до нас был?

– Грязнули. Я кухню десять дней отмывать. Завтра помогать будешь.

Грася отворила дверь, и Богдана еле сдержала вздох разочарования. Вот тебе и красивая жизнь! Совсем чуть-чуть побольше ее комнаты в родном городке. И потолки – немного повыше. Зато никакой приватности. Кроватей – две. И ту, что поуютнее, у крошечного окна под самым потолком, своим мощным туловом придавила Грася.

Богдана робко села на краешек второй постели, осмотрелась. Будто специально все сделано, чтобы прислуге на ее место указать.

Шкаф – единственный, довольно ободранный. Ящики у комода перекошены. Занавесок на окне нет – только жалюзи, дешевенькие, белые, от солнца никак не спасут. Тумбочки прикроватные в царапинах и пятнах.

Кухарка скинула туфли, осталась в носках (пахло от них плохо), начала объяснять:

– Твои полки – три нижние. Белье постельное в комод, бери, застилай. Ванная вон там. Есть будем на кухня. Ты сейчас голодная, кормить надо?

– Я лучше в сад выйду. Подышу.

Кухарка помотала головой:

– Нет.

– Почему?

– Две причины. Я спать, ты меня будить. Это номер один.

– А номер два?

– Прислуге в сад без дела нельзя. Стелить постель быстрее и не мешать. Нам завтра вставать шесть утра.

Так и пришлось – после пыльной дороги, не помывшись, вертеться на жесткой постели в душной комнате. Воздух через окно почти не проходил. Грася храпела, словно кузнечный горн. А Богдана лежала без сна и убеждала себя: все получится. И принц – обязательно найдется.

* * *

Пусть у прислуги место последнее, но ошметки красивой жизни Богдане и Грасе тоже доставались. Вся еда с хозяйского стола, только иранскую черную икру им трогать не разрешали. Воздух божественный, особенно когда с озера Комо ветер. И в парке можно притворяться, будто статуи от пыли протираешь, а на самом деле ароматами цветов дышать да мечтать.

Рабочий день считался ненормированным, с перерывами только на поесть и поспать, но не каторга ведь, постоянного надсмотрщика не имеется. Богдана всегда находила возможность почитать, написать бабуле письмо, позаниматься итальянским. Опытная Грася научила: пока хозяйка поблизости – не дай бог присесть, летай по дому, изображай бурную деятельность. Но, по счастью, у Пирины вечно – то косметолог, то массажи или шопинг. А пару вечеров в неделю хозяева отсутствовали: то на концерт отбудут, то на прием.

Грася пугала: в доме могут быть видеокамеры. Но Богдана все равно осмелилась и на гигантском хозяйском сексодроме поваляться, и наряды Пирины примерить. Первый шок (зачем всего двоим – особняк площадью в тысячу метров?) миновал. Горничная быстро поняла, насколько удобно, когда в одной комнате – беговая дорожка и коврики для йоги. В другой – телевизор. В третьей – библиотека. И натуральные ткани к телу оказались очень приятны. И фермерская курица, взращенная на натуральном зерне, была несопоставима по вкусу с морожеными «ножками Буша».

От Граси она своих чувств не скрывала:

– Хочу как они жить.

Пожилая полячка хмурилась:

– За это русских и не люблю. Захватчики вы.

Грася вбила себе в голову: молодая, свеженькая Богдана планирует *избавиться* от Пирины и женить на себе Марио.

– Ты с ума сошла! У них счастливый брак! Да и зачем мне такой старик? – отбивалась горничная.

Но Грася ухмылялась:

– Старик – это даже выгоднее.

Тем более что и хозяин дома интерес к ней проявлял. Горничная ползает на карачках, намывает полы (швабры она не любила, считала, что руками удобнее) – Марио встанет на пороге комнаты, наблюдает. И подкрадываться любил, незаметно. Она над учебником, бормочет под нос итальянские слова, а он вдруг по спине хлоп:

– Brillante!

Богдана ахала, вздрагивала, смущалась.

Brillante по-итальянски – можно многими приятными словами перевести. Умная, гениальная, удивительная.

Богдана отваживала Марио как могла. Когда он дома, самые уродливые треники натягивала, волосы повязывала косынкой, никакой косметики – иногда наоборот, подрисовывала себе или раздражение на губе, или усталые тени под глазами. Наедине никогда не оставалась – сразу находила предлог, чтоб удрать.

А Марио с удовольствием продолжал играть с ней в кошки-мышки. И Пирины своей особо не смущался. Однажды прямо при жене Богдану за щечку ущипнул, когда она завтрак подавала.

В первый раз (под гневным взглядом Граси) девушка вытерпела, промолчала. Но когда следующим утром хозяин дома огладил ее по попе, аккуратно поставила на стол блюдо с гренками и попросила расчет.

Пирина (прежде будто не замечала, когда муж руки распускал) переглянулась с Марио и спросила:

– Вы хотите уйти от нас? В чем причина?

Богдана сдвинула брови:

– Я замужем. Приехала сюда работать. И мне неприятно, – она с вызовом взглянула на Марио, – шуточки вашего супруга.

Грася скептически подняла бровь – что, мол, за комедия.

А Пирина вдруг спросила:

– Как твоего мужа зовут?

– Антон, – выпалила она первое попавшееся.

– Энтони. Он счастливчик, – усмехнулся Марио и поинтересовался: – Фотография есть?

Богдана запаниковала. У замужней, конечно, должна быть карточка мужа!

По счастью, давным-давно, в девяностом, еще школьницей, она ездила в гости в тетке. В далекий Сыктывкар. Вокзал оказался перекрыт – там кино снимали. Богдану охватило дикое любопытство. Молила, кокетничала, но все-таки уговорила сержанта из оцепления и просочилась в здание. А там прямо нос к носу со знакомым столкнулась. Ну, то есть она его знала.

Бабушка тогда фанатела от фильма Глеба Панфилова «Мать». До такой степени обожала, что специально будильник ставила, если вдруг глубокой ночью по телевизору повторяли. Внучка, волей-неволей, на скучищу тоже поглядывала. И один актер, который Якова Сомова играл, ей приглянулся. Глаза потрясающие. Фигура чумовая. И тут он – живьем, прямо перед ней! В каком-то Сыктывкаре! Она не растерялась, – попросила автограф, а еще лучше сфоткаться вместе. Симпатичной школьнице не отказали. И поляроид в съемочной группе отыскался. Немедленно вручили карточку.

«Якова Сомова» Богдана только подружкам показала. Но когда на экраны вышел блокбастер «По прозвищу Зверь» (его-то в Сыктывкаре и снимали), девушка в своем городке мигом превратилась в знаменитость. Стоит на фотке в обнимку – с самим Певцовым!

И, ясное дело, драгоценную фотографию она с собой в Италию взяла. Но итальянцы вряд ли знакомы с российскими «звездами». Поэтому Богдана бесстрашно сбегала в свой полуподвальчик, притащила и предъявила хозяевам:

– Вот!

Они рассмотрели, одобрительно поцокали.

Марио увидел надпись на обороте, потребовал:

– Что здесь написано?

Переводить правду («На добрую память Богдане») было никак нельзя, поэтому она лихо соврала:

– Люблю тебя больше жизни!

Взглянула на Марио с укоризной, старательно выстроила сложную итальянскую фразу:

– Поймите, Антону – Энтони – было бы неприятно знать, что вы ко мне пристаёте.

Супруги снова переглянулись, быстро заговорили между собой.

Беглую речь Богдана не понимала до сих пор, только отдельные слова улавливала. Какие-то каникулы, безопасность. Интересно, о чем они? Ладно. В языковой среде, с итальянским телевидением скоро полностью язык освоит.

Она дождалась, пока закончат трещать, спросила:

- Кофе подавать?
- Sì¹³, – кивнула Пирина.

И с того утра жизнь ее успокоилась совершенно.

Вряд ли Марио испугался накачанного «Энтони» из далекой России, но кадриться перестал. Да и Грася к ней подобрела.

Богдана все больше привыкала к Италии. Научилась изящно накручивать на вилку спагетти любой длины. Освоила несколько песен на итальянском. К ужасу Граси, почти в любую погоду ходила купаться в ледяном озере Комо. И, конечно, продолжала чистить, скоблить, натирать. Старалась не впадать в тоску от монотонности работы, откладывать как можно больше денег.

И не ведала, что очень скоро жизнь ее разительно изменится.

* * *

Через пару месяцев, в середине июня (Богдана даже не успела отработать аванс) хозяева заявили, что родной Менаджио переполнен туристами, абсолютно несносен, и они отбывают в Швейцарию, принимать термальные ванны. Кухарке и горничной предложили взять на время своего отсутствия выходные, и Богдана уже открыла рот, чтобы согласиться (давно порывалась съездить в Милан), но Грася наступила ей на ногу и сладким голосом пропела:

– Спасибо, не надо. Мы лучше останемся. Генеральную уборку в доме сделаем. Спокойно, чтобы вас не тревожить. Шторы постираем, окна помоем.

Хозяева с кислым видом инициативу одобрили, а полячка, когда остались одни, напустилась на Богдану:

– Ты глупая? Выходные не оплачивают! А оторваться и здесь сможем! Не собираешься ведь ты в самом деле круглые сутки убираться?!

Едва Марио с Пиринной отбыли, Грася потащила свою юную коллегу в супермаркет, и дешевой граппы в тележке оказалось куда больше, чем закусок.

Прежде Богдане наставница представлялась скучной и правильной дамой, но нынче раскрывались новые ее грани. Кухарка махала стопку за стопкой с поразительной ловкостью. Сама Богдана пыталась крепкий напиток цедить помаленьку, но Грася немедленно начинала сердиться:

- Нельзя полную рюмку на стол ставить! Примета плохая. Пей до дна!
- Не могу я столько пить!
- Вот дура ты, Богданка. А как еще стресс снять?
- У меня нет стресса!
- А ты вспомни сортир после Марио!

Обе расхохотались. Вроде Италия – цивилизованная страна. Но ершиком хозяева не пользовались принципиально. Хозяин так вообще – сделает «большое дело» и не стесняется немедленно звать Богдану, чтобы та вернула унитазу блеск-чистоту.

Богдана пить не любила: пример матери хорошо отрезвлял. Да и напитки, что употребляли в России тех времен – сомнительная водка, разведенный с вареньем спирт «Рояль», якобы немецкий ликер «Грейпфрут-лемон», – совсем не нравились.

Но граппа, надо признать, оказалась куда вкуснее. И если рюмку залпом махнуть, тоже ничего страшного. Зря бабушка пугала, что теряешь контроль, и вообще спиртное «скотинит». Ничего подобного с ней не происходило. Краски ярче, на сердце легко, вечно хмурая Грася хохочет.

Богдана, чтоб еще больше кухарку порадовать, затынула:

---

¹³ Да (итал.).

– Мимо базара мчался дрозд,
Взял да и сел на кошкин хвост.
Аса – тадараса, аса – тадараса,
Взял да и сел на кошкин хвост¹⁴.

Кухарка привету с родины обрадовалась, подхватила – на польском. Потом, мешая языки, вместе исполнили «Подмосковные вечера», «Варшавянку», «Ты ж меня пидманула».

Голова у Богданы приятно кружилась, из окна тянуло свежестью, садовые розы дурманили ароматами, Грася казалась все более милой, а богатый особняк представлялся собственным, родным домом.

И, хотя выпили много, мерзостей опьянения девушка так и не познала – ее просто смогло прямо в парадной зале, в мягком кресле.

Она вынырнула из черной дыры на рассвете. Ждала похмелья, головной боли и рези в глазах, но опять нет. Тело переполняла необыкновенная легкость, хотелось разом схватиться и сделать тысячу дел.

Богдана вскочила. Накрыла пледом Грасю (та смачно храпела прямо на ковре). Сходила на кухню, выдавила себе сока из пяти апельсинов. Сбегала на озеро искупаться. Вернулась, позавтракала, ликвидировала следы вчерашнего пиршества, загрузила посудомоечную машину, подмела (чтобы не гудеть пылесосом) пол в гостиной. Когда, ближе к полудню, кухарка пробудилась, Богдана, в шортиках и легком топике, уже взобралась на стремянку и начала снимать тяжеленные портьеры.

– Ты чего делаешь? – Грася наградила ее непонимающим взглядом.

– Как что? Генеральную уборку!

– И голова на лестнице не кружится?

– Не-а.

– Вот она, молодость, – завистливо проворчала кухарка. – А у меня башка взорвется сейчас!

– Могу предложить советский анальгин!

– Дженькуе бардзо¹⁵, – поморщилась Грася. – Я лучше итальянской граппы.

Она тяжело поднялась и уползла похмеляться.

Богдана осталась на стремянке. До чего приятно, когда хозяев нет! И стоять под теплым ветром из раскрытого окна не в вечных тренировочных, а в легоньких шортах тоже классно. Да и с уборкой, права Грася, спешить незачем. Мысли порхали яркими бабочками. Портьера – зеленая, шелковая, приятная на ощупь. Вспомнился фильм «Унесенные ветром» – посмотрела в видеосалоне незадолго до отъезда. Правильно Скарлетт придумала – из такой ткани платье сшить!

Богдана отцепила, наконец, портьеру от карниза, спустилась на пол, но к стиральной машине не пошла. Вместо этого тоже начала себе наряд сооружать. Утянуть талию, левая рука открыта, мантия волочется по полу – да просто королевский вариант!

В парадной зале имелось огромное, во всю стену, зеркало. Богдана встала перед ним и обалдела. Не хуже Ветлицкой или Варум, ей-богу! Что бы спеть? К попсе помпезный наряд никак не располагал. Бабушка любила оперу «Манон Леско», и Богдана, чтобы порадовать старуху, выучила когда-то ее любимую арию. Ее сейчас и затянула – на итальянском, как положено:

---

¹⁴ Польская народная песня.

¹⁵ Спасибо большое (польск.).

– Sola, perduta, abbandonata in landa desolata!
Orror! Intorno a me s'oscura il ciel.
Ahimè, son sola!¹⁶

По сюжету, бедная падшая женщина должна при сих словах с печальным лицом брести в пустыне, но Богдана с легкостью сменила тональность на мажорную и сопровождала свою арию ослепительной улыбкой.

Она настолько увлеклась, что настоящую сцену представила, декорации, оркестр... Акустика в парадной зале – почти как в театре. Может, и правда: попробовать стать певицей? Закончив арию, прикрыла глаза – как истинная дива, что вжилась в образ. И тут услышала *настоящие* аплодисменты.

Увидела – сначала в зеркале: за ее спиной стоит парень. Станный: одно плечо выше другого, волосы всклокочены. Как попал сюда? Она, когда пришла утром с озера, дом заперла изнутри.

Маньяк? Сумасшедший? Или соседи настучали, и товарищ вообще из иммиграционной полиции?!

Богдана подхватила с пола мантию, прикрыла голую руку, резко обернулась:

– Chi sei?!¹⁷

– Игнацио.

Улыбка детская, робкая. Какой полицейский – ему нет и двадцати!

Да и вообще он, кажется, инвалид. Род странно искривлен, левый ботинок на очень толстой подошве – нога, что ли, короче?

От страха она с огромным трудом подобрала слова для более сложного вопроса:

– Come sei entrato qui?¹⁸

И словно небо разверзлось над головой бедной Богданы-Манон:

– Это и мой дом тоже. Я сын Пирины и Марио.

* * *

Игнацио было семнадцать, и он учился в Миланском политехническом институте.

Богатые родители могли снять ему любое жилье, но настаивали, что жить надо в кампусе, с народом. Перечить сын не смел, хотя бурное кипение студенческой жизни ненавидел. Поэтому специально сдал экзамены досрочно, чтобы приехать, пока предки в Швейцарии. Хотел покайфовать затворником-королем в собственном комфортабельном доме.

Мать упоминала, что у них новые кухарка с домработницей, но Игнацио сей факт пропустил мимо ушей. Что интересного в прислуге? Тем более маман всегда будто специально отбирала – самых глупых, жирных и некрасивых.

И вдруг прекрасная, юная нимфа. Личико свежее, глаза сияют. Платье какое-то невообразимое. Голос божественный. Оперную арию поет – на итальянском, с милым акцентом. В светлых волосах золотятся солнечные лучи.

Как хорошо, что красавица – всего лишь горничная!

Она начала поспешно скидывать с себя платье. Игнацио покраснел, – не сразу сообразил, что то была оконная штора, решил, она перед ним раздевается, и дико смутился. Но нет, голой

---

¹⁶ Одна, потеряна, покинутая этих пустынных землях! О ужас! Темнеет небо надо мной. Увы, я одна. Джакомо Пуччини, «Манон Леско». Перевод на русский язык Александра Кузьмина.

¹⁷ Кто вы? (*итал.*)

¹⁸ Как вы сюда попали? (*итал.*)

не осталась, хотя крошечные шортики и маечка на бретельках оставляли мало простора для фантазии.

Девушка представилась:

– Я Богдана. Ваша новая домработница.

А он – опустил на колено и, не сводя глаз с ее лица, поцеловал руку.

Бедняжку бросило в краску. Она вырвала ладошку, сжала в кулачок. От руки ее пахло чистящим средством, а ногти оказались подстрижены криво.

Она нервно спросила:

– Вы точно сын хозяев? Не вор? Не из мафии?

Игнацию подхватил ее под руку, позвал:

– Пойдемте.

Провел в мамин будуар. На комодке всегда стояла семейная фотография, но сейчас ее на месте не оказалось.

Он хмыкнул. Прошли вместе в библиотеку, парень открыл книжный шкаф, достал фотоальбом, развернул на первой странице – где отец с глупым видом держит сверток с младенцем, а мама торжественно улыбается.

– Вот. И дальше – вся история моей жизни. Неужели не видели?

– Нет, – простодушно отозвалась девушка. – Я никогда не лазаю по чужим шкафам.

– И родители вам не говорили?

– Они что-то упоминали, – смутилась она. – Про каникулы, про вашу, наверно, безопасность. От меня. Но я еще не очень хорошо знаю итальянский, поэтому не поняла. И кухарка новая, она тоже про вас даже не слышала.

– Чтобы окончательно убедить, могу предъявить водительские права.

– Не надо, – улыбнулась смущенно и предложила: – Вы ведь с дороги? Давайте я поесть приготовлю.

– Разве это ваше дело – готовить?

Девушка покраснела еще больше:

– Кухарка... она сейчас очень занята.

– И прекрасно! – с воодушевлением сказал он. – Ничего не надо. Пойдемте лучше в ресторан. Вместе.

Ее глаза расширились. Она прошептала:

– Вы приглашаете меня в ресторан?

– Да! Прошу вас! Окажите мне такую честь!

Возможно, слишком напыщенно получалось и неестественно, но с девушками Игнацио общаться особо не умел. Да и вообще людей не любил.

Он был поздним ребенком, родился слабеньким и все детство провел в окружении докторов. Ему ставили ДЦП, врожденный спастический гемипарез, еще какие-то диагнозы. Игнацио поздно начал говорить и ходить, хромал, часто не мог удержать равновесие, падал и ушибался. Но ситуация безнадежной не считалась. Плюс мама перла, как танк, а отец обеспечивал финансовую подушку. Поэтому уже к школе от инвалидности избавились. Только одного исправить не смогли: левая нога так и осталась на два сантиметра короче правой. Ну, и вести small-talk он не научился, общества чурался. Играл всегда один, по магазинам и в гости ходить отказывался. Сначала угрюмость списывали на последствия ДЦП, потом начали подозревать легкую форму аутизма, но в итоге консилиум признал: особенность характера. Тоже обратимая.

И родители с присущим им пылом взялись вписывать его в коллектив сверстников. Постоянно давили: командный спорт, школьные театральные постановки и вечеринки. С девушками знакомили – уверенными в себе, шумными и почему-то обязательно слегка уса-
тенькими. Когда окончил школу, остаться в Менаджио не позволили. Отправили учиться в

один из самых больших и шумных вузов страны. Да еще заставили жить в кампусе – чтобы постоянно находился в среде себе подобных. На все робкие попытки бунтовать мама отрезала:

– Sii uomo!¹⁹

Но он гораздо чаще ощущал себя несчастным, маленьким Гулливером в стране великанов.

И только сегодня, взглянув в красивые и испуганные глаза Богданы, Игнацио наконец почувствовал себя – защитником, глыбой. Оберечь, поразить, порадовать!

Когда он произнес свое напыщенное приглашение, девушка отчаянно покраснела. А потом радостно подпрыгнула: «Да, да!» И добавила смущенно: «Я ведь еще никогда в настоящем ресторане не была!»

И ему немедленно захотелось не тратить время на конфеты-букеты, а схватить ее в охапку, утащить на необитаемый остров и остаться там с ней навсегда.

Но головы он не потерял. Прежде чем отдаться приключению, себя обезопасил. Понимал: папа с мамой не одобряют походы в питейное заведение в обществе горничной. Поэтому, когда Богдана убежала переодеваться, Игнацио немедленно набрал номер отца. Тот ответил по мобильному – прямо из термальной ванны. Сын уверенно сообщил, что у него все хорошо, сессия в разгаре, и он еще неделю будет в Милане.

– Тогда мы останемся тут дней на пять. Но ты обязательно сообщи, когда точно приедешь, – попросил папа. – Чтобы мы тебя встретили дома.

– Конечно.

Игнацио положил трубку, победно улыбнулся. И побежал обхаживать прекрасную принцессу. Ей столько нужно было показать!

Богдана жила в Италии почти два месяца, но абсолютно ничего не знала о его прекрасной стране.

Бедная девочка! Бегала купаться в озере Комо, но никогда, оказывается, не бывала на официальном пляже, с белым песком, мягкими лежаками, официантами и коктейлями. Выходила прогуляться по Менаджио, но даже виллу Милиус Вигони не посещала, объяснила смущенно: «Туда ведь вход платный».

И до сих пор считала, что пицца – не пицца для бедных, а высшее достижение итальянской кухни.

Кухарка не препятствовала амурной истории и даже благородно взяла на себя Богданин участок работ по дому. Поэтому парень все дни посвящал общению со своей королевой и ее просвещению.

Новые, удивительные для нее знания девушка принимала с восторженной благодарностью. Но оказалась с принципами: подарков не брала, в ресторанах старалась самое дешевое заказывать. А когда сталкивалась с роскошью, каждый раз ее лицо становилось совсем ошарашенным. Когда Игнацио вызвал лимузин вместо обычного такси, всхлипнула от восторга, а вышли вдвоем покататься по Комо на яхте – вообще расплакалась.

Пять дней пролетели одной прекрасной сказкой. А на шестой – Игнацио вскрыл отцовский сейф. Достал оттуда паспорт Богданы. Они сходили в муниципалитет и зарегистрировали брак.

Можно было подождать и все организовать как положено – с приглашениями, гостями и красивой свадьбой.

Но ни одна итальянская мать не одобрит женитьбы в семнадцать лет. Тем более на эмигрантке-горничной. Будут уговаривать: сначала проверить чувства, только потом помолвка, а бракосочетание вообще неизвестно когда. Однако Игнацио хотел стать мужем Богданы немедленно.

---

¹⁹ Будь мужчиной! (итал.)

И, будучи любимым и единственным сыном, самонадеянно полагал: родители рассердятся, конечно, но со временем простят. Денег у отца куча – и дом им купит, и возможность жить в свое удовольствие предоставит.

Но когда Марио с Пириной вернулись с курорта и обнаружили горничную – вместе с их сыном – на *хозяйской территории*, разразился кошмарный скандал. Матери стало плохо с сердцем, отец рвался к соседу-охотнику за ружьем. Мольбы и уговоры не помогли – супружескую пару буквально вытолкали за дверь.

Взбалмошному сыну хотя бы позволили собрать свою одежду. А Богданины вещи темпераментная Пирина вышвырнула в окно. И на прощанье пообещала:

– Вам вместе все равно не жить. Мы об этом позаботимся.

* * *

Спустя семь месяцев

Видеться с Богданой Грасе категорически запрещалось – по этому поводу даже ее рабочий контракт переделали, вписав специальный пункт со штрафными санкциями. Она поклялась на Библии, что вычеркнула предательницу из своего сердца. Но примерно раз в месяц брала выходной, врала, что едет на день красоты в «Валлисер Альпентерм»²⁰, а сама отправлялась в Милан – проведать свою несчастливую товарку.

В туристических и уже тем паче дорогих местах не светились – выбирали скромные пиццерии или трагтории. И хотя подругами себя не считали, болтали без умолку, как истинные итальянки.

Богдана продолжала *надеяться*. А Грася каждый раз (то с жалостью, то со злорадством, – какое настроение было) отрицательно мотала головой.

Сама удивлялась, до чего упертыми итальяшки оказались. Лично она давно бы простила любимого сына. Ну, женился против родительской воли. А что в Богдане такого уж плохого – помимо русского паспорта? Симпатичная, не гулящая. Дом – на гроши – ведет. Игнацио терпит. Тот, пока жених, принца из себя строил. А в быту, да когда с финансами туго, – оказался далеко не подарок.

Пирина с Марио стояли насмерть: блудному сыну нет места в их сердце. А Богдану вообще распать надо.

Грася уже довольно прилично понимала итальянский, любила подслушивать и знала: Марио никак не может простить горничной сказку про российского мужа. Мол, только потому в свой дом и пустил, что поверил: в страну приехала честно трудиться, а не личную жизнь устраивать. Его ухаживания отвергала, фотографию супруга предъявляла. А сама небось заранее выяснила, что имеется богатый наследник слегка не от мира сего, и расставила на несчастного мальчика ловушки.

Ну, а Пирина страшно бесилась, что Игнацио хватило смелости не просто жениться, но из дома, когда прокляли, уйти, университет бросить, материальной поддержки гордо не просить.

Родители надеялись: молодые потерпят лишения месяц, другой. Помаются от безденежья. Переругаются да разбегутся.

Возможно, чисто итальянская пара так бы и поступила. Но Богдана, закаленная российской нищетой, оказалась крепким орешком. Да, вышла замуж по расчету, и расчет на родительские миллионы не оправдался. Игнацио – при ближайшем рассмотрении – разочаровывал все больше. Но просто вычеркнуть его из своей жизни она не могла. Устроилась на работу –

---

²⁰ Спа-комплекс в городе Лейкербад, Швейцария. Входной билет обычно действует пять часов и включает в себя посещение различных бань, открытых и закрытых бассейнов, а также массаж.

снова скоблила, чистила, мыла, только теперь в двух домах. А мужу дала время полежать на диване, подумать, присмотреться.

Парень рассказал ей, как в детстве мечтал удрать из дома, устроиться на корабль юнгой и отбыть в кругосветку. Но мама с папой идею безжалостно обсмеяли. Заставили стать «как все». И сейчас он хотел – назло авторитарным родителям – все-таки осуществить детскую мечту и уйти в море. Допустим, матросом на круизном лайнере.

Богдана смеяться над ним не стала и робко спросила:

– А меня могут взять?

– Конечно. Ты жена итальянца. Скоро вид на жительство дадут. А с ним и право на работу. Горничных на лайнерах всегда не хватает.

Она погрузилась:

– Я, конечно, и убирать согласна. Но вдруг меня певицей возьмут? Или я слишком наглая?

Игнацио задумался:

– Нет. Не наглая. Поешь ты прилично. А на кораблях любят – по максимуму загрузить. Когда мы с родителями путешествовали по Карибам, одна девушка днем официанткой работала на шведском столе, а вечером в баре пела.

– Ой, давай попробуем! – оживилась Богдана. – Мне так хочется мир посмотреть!

Стали искать возможности. Но итальянская бюрократия совсем не торопилась выдавать молодой жене вид на жительство. А Игнацио здоровье подвело.

Лечащий врач мог сколько угодно называть его болезнь всего лишь «косметической проблемой» – но в море, если одна нога короче другой, не пускали.

Однако ветер перемен продолжал кружить голову. И тогда парень решил, что будет водить грузовики. Тоже романтика! Огромный «Манн», орет кантри, пыль и ветер в окно.

Богдана пыталась отговорить – и не смогла. А грузовики, к ее огромному сожалению, в Италии оказались с автоматической коробкой передач, поэтому короткая нога никого не смущала.

Из первого рейса Игнацио вернулся пропахший соляжкой и дешевым оливковым маслом. Клял дурные закусовые по пути и тяжелый график.

– Больше не поедешь? – с надеждой спросила она.

Но он упрямо сдвинул брови:

– Поеду.

– Но это ведь ужасная работа!

– В ней есть свои прелести.

Вот уж никогда бы не подумала! С первого взгляда показался ей тонкокостным, избалованным, утонченным – настоящим сыном богатых родителей. Куда ему в шоферы?

Но Игнацио объяснил: он счастлив, что в кабине один. Что за окном постоянно меняется картинка. Что можно напрячься пару-тройку дней – а потом со спокойной душой валяться на диване, посасывая пиво.

И тут Богдана испугалась. Она ведь ни капли не любила Игнацио. Да, ошеломил, очаровал, закружил. Но восторг вызывал не сам – только его возможности. Все эти яхты, лимузины, еда с серебряных блюд. А без денег – нервный, тощий, упрямый и ленивый юноша ничего из себя не представлял, ну, совсем ничего!

Пока Игнацио недолго – всего пять дней – пробыл богачом, находиться рядом с ним было круто. Не просто ведь сыпал деньгами, но еще беспрерывно восхищался ее лицом, фигурой, удивительным голосом.

А сейчас он снял рыцарские доспехи и стремительно обращался из поэтического романтика в обычного, недалекого работягу. Все реже просил ее спеть. Перестал целовать руку. В рестораны тоже ходили редко. Муж удивлялся:

– Зачем переплачивать, если ты и сама умеешь вкусно готовить?

Когда только познакомились, Игнацио учил ее, необходимо и весело, держать вилку в левой, нож в правой. Сейчас хорошие манеры давно забыты – ест неумеренно, шумно и – сын своего отца – не стесняется пускать газы. В постели тоже ведет себя грубо, по-мужлански. И что самое печальное: его, кажется, устраивает их нынешняя жизнь! Богдана догадывалась, почему. Слишком много от Игнацио требовали в детстве и юности. И сейчас, на примитивной работе, с покладистой женой, он действительно нашел свою тихую гавань.

Амбиций вообще никаких. Миланский технологический институт с удовольствием бросил.

Богдана (дитя СССР!) пыталась спорить:

– Нельзя без высшего образования!

Игнацио отмахивался:

– Программирование я ненавижу. И платить все равно нечем.

Он хотел бы – теоретически – выучиться на врача, но это минимум шесть лет без зарплаты. Да и стоило обучение на медицинском факультете еще дороже.

Игнацио привык, что он единственный сын, баловень богатых родителей, и никак не ожидал, что те оставят его без поддержки и без гроша.

Сначала заверял Богдану, что папа с мамой скоро «сами приползут».

Когда этого не случилось, добавил в свои речи цинизма:

– Ну, и ладно. Я единственный наследник, все и так нам достанется.

Но Марио и Пирина продолжали их игнорировать. И теперь Игнацио стал всерьез опасаться, что папа с мамой из принципа свои богатства пустят на ветер, а остатки приюту для животных завещают.

– Ничего, – успокаивала жена. – Мы молодые, здоровые. И страна у вас замечательная. Разве сами не справимся?

Но раскаяние с каждым днем терзало все больше. Зачем она пошла на этот брак – без любви, даже без симпатии? И что делать дальше?

В Италии лучше, конечно, чем в России, где инфляция, путчи и бандитизм. Они с Игнацио вроде как бедные, живут в неблагополучном районе, но все здороваются вежливо, даже подростки, никаких разборок и мафиози. Продукты хорошие. Вино вкусное. Одежда красивая. Но – по итальянским меркам – они практически на дне. И перспектив у водителя грузовика негусто, карьерной лестницы нет.

Неужели всю жизнь придется провести в социальной квартирке в Куарто, «миланском Бронксе»?

Без родных и друзей?

Когда всей светской жизни – посиделки с Грасей раз в месяц?

Молодая жена впала в печаль. Даже учебники итальянского забросила – язык теперь учила исключительно по сериалам. А чтобы уроки веселее проходили, частенько пропускала бокальчик-другой белого вина со льдом. В Италии норма – употреблять по чуть-чуть, но каждый день.

С Игнацио, когда валялись рядом на диване, тоже время проводили примитивно – пиво, чипсы да любовь.

И даже не знаешь, какую фоточку бабушке послать. Себя на фоне всех достопримечательностей давно отправила, а с мужем сниматься не хотелось. Всего полгода живут, но Игнацио успел на восемь килограммов растолстеть, отрастил противную бороду – в ней вечно крошки.

Когда встречались с Грасей, постоянно обсуждали – как все-таки изменить ситуацию. Кинуться в ноги Марио и Пирине? Не поможет. Развестись? Но тут оскорбленные родители тоже постараются: чтобы быстренько выслали из страны, и вообще тогда останешься у разбитого корыта.

Но однажды Грася спросила:

– Почему вы детей не делаете?

– Игнацио не хочет. Говорит, рано. Ему недавно только восемнадцать исполнилось.

Кухарка задумчиво сказала:

– А из Пирины бы хорошая бабушка получилась. И Марио тоже, по-моему, любит маленьких.

– Да куда нам детей с нашими доходами!

– Глупая! Пока беременная, потерпишь. А потом младенца свекрови предъявишь – она и поплывет.

И Богдана решилась.

Игнацио, когда узнал, что будет ребенок, начал возмущаться и орать. Но потом выпил залпом бутылку пива и задумчиво молвил:

– Может, оно и к лучшему. Какое-никакое пособие дадут.

* * *

Беременность Богдана перенесла тяжело. Медицинской страховки не было, единственный частный прием у врача обошелся в дикие деньги, и больше по докторам они не ходили.

На родах тоже думали сэкономить – акушерку на дом позвать. Но когда российская бабушка узнала про идею, пришла в ужас и настояла: рожать только в госпитале, пусть и самом дешевом.

Богдана опасалась: будут на нее в простецком заведении орать и всячески гнобить, но реалии итальянской медицины оказались иные. Роженицу коротко осмотрели, сказали, что ждать еще минимум три часа, и банально перестали обращать на нее внимание.

Младенец активно рвался на волю. Кричать было стыдно. Шипела от боли, подвывала, пробовала петь. Воспитанный в гуманистических европейских традициях Игнацио предлагал заранее оплатить анестезию, но бабушка отругала: «Зачем младенчику еще нерожденному наркотика давать?» И Богдана решила: справится сама, а заодно денег сэкономит. Но час шел за часом, спину опаляло огнем, в животе словно взрывались раскаленные камни, а в родовую так и не звали.

Бедняга совсем потеряла лицо. Исцарапала щеки, искусила губы, вспомнила русский мат. Какое счастье, что не согласилась, на европейский манер, рожать дома, в присутствии мужа и акушерки!

И какой был смысл оплачивать клинику, если к ней все равно никто не подходит?!

До того стало нестерпимо, что слезла, из последних сил, с койки. В коридоре открыто окно. Доползти и броситься! Дстойное будет завершение несчастливой ее итальянской эпопеи.

Кое-как добрела, а вот ногу закинуть уже никак.

Тут-то итальянская медицина и обратила на страдальицу внимание. Еле отлепили пальцы, что намертво вцепились в подоконник, погрузили на каталку и повезли рожать. Но никаких вопросов или там давление по пути измерить – катят, с грохотом, по кафелю, хихикают, какого-то Бартоломео обсуждают и его золотой член длиной в целых двадцать девять сантиметров.

Богдана поневоле заслушалась, начала прикидывать, как это такое богатство выглядит, а в родовой и вовсе почти развеселилась – выяснилось, что младенца будет принимать этот самый Бартоломео. И самая тяжкая часть процесса пролетела быстро, почти легко – руки у владельца золотого члена оказались нежными, движения быстрыми, профессионально отточенными.

На свет явилась сморщенная, писклявая девочка.

Малышку, тоже по европейской традиции, сразу поместили Богдане на грудь, и, хотя она знала, что сейчас ей положено плакать от счастья, теплых чувств не испытала. Смотрела на

дочь настороженно. Ради этого комочка она уже девять месяцев промучилась – запахи бесят, голова кружится, денег нет, Игнацио вечно раздраженный. А вдруг дальше только хуже будет?

Но горькие мысли перебила еще одна западная традиция. Бартоломео лично откупорил шампанское, протянул Богдане полный бокал, прошелестел:

– Поздравляю! Пусть девочка станет королевой красоты, как и мама!

Ох, приятно! Игнацио ей давно комплиментов не говорил, а в последние три месяца совсем обнаглел, именовал «моей коровушкой».

Богдана пила шампанское и внимательно разглядывала дочку. Личико морщинистое, глаза-щелочки. Но носик прямой. Кудряшки имеются – причем не темные, как у итальянцев, а светленькие, мамины. Овал лица красивый. И на Марио, кажется, похожа.

Свекор со свекровью просто обязаны сменить гнев на милость.

Но предъявлять им совсем неразумного младенца не следовало. Грася авторитетно сказала:

– Детки примерно к годика становятся лапочками. Так что потерпи.

Дочка (назвали Сильвой) оказалась беспокойной. Спала плохо, кушала мало, много капризничала. Богдана совсем издергалась. Даже когда малышка затихала в кроватке, лежала без сна. Часто казалось: девочка не дышит. Вскакивала проверить, а потом опять уснуть не могла.

Вопреки мифу, что итальяшки – прекрасные отцы, от Игнацио толку оказалось мало. Зато претензий вагон. Почему капризничает? Почему успокоить не можешь? И вообще: почему девчонка?

– Чем мальчик лучше?

– В футбол бы вместе играли!

Богдана отбивалась:

– Когда ты играл в футбол?

– Ну, телевизор бы вместе смотрели.

Игнацио, похоже, искренне считал, что младенцы – как в рекламных клипах – обязаны всегда улыбаться или как минимум сидеть молча.

Если жена – ненадолго – поручала ему дочку, всегда усаживался вместе с ней перед голубым экраном. И очень раздражался, когда Сильва начинала вертеться, хныкать, требовать внимания.

Он хватал погремушку, тряс перед лицом малышки. Но та принималась вопить еще громче.

– Что ей нужно? – возмущался отец.

– К окну подойди! Песенку спой! – кричала Богдана из кухни.

– Дети должны сами себя развлекать!

А она терялась в догадках: Игнацио нужно время, чтобы привыкнуть? Или тот никогда не смирится, что мирные посиделки с пивом на диване нарушил младенец?

Миновал год. Девочка научилась залиvisto хохотать. Делала первые шаги и говорила первые слова. Но отец по-прежнему почти не обращал на нее внимания.

Сама Богдана дочечку любила с каждым днем все сильнее. Забыв про экономию, тратилась безбожно на платица и чепчики с кружевами. Фотографировала кроху, слала снимки бабушке. И каждый день капала Игнацио на мозги:

– Смотри, Сильва какая хорошенькая! Давай твоим родителям хотя бы фотографию покажем.

Тот отбивался:

– Обойдутся. Они нас прокляли. Я их тоже.

Что за упрямство глупое!

Богдана решила обсудить ситуацию с Грасей.

На сей раз кухарка приехала к ним домой. Возилась с Сильвой, пела песенки, веселила «козой», отплясывала с деткой на руках краковяк. А когда малышка уснула, они отобрали с десяток лучших фоточек. Сложили в конверт, написали: «Ваша внучка Сильва Кастильони». Грася вернулась в Менаджио и бросила конверт в почтовый ящик.

А Богдана – на всякий случай – принялась наводить в квартире порядок. Вдруг бабушка с дедушкой растрогаются настолько, что немедленно бросятся в Милан посмотреть на внучку?

Не дождалась. Но Игнацио – когда вернулся из рейса – хмуро сказал:

– В субботу к предкам моим едем на обед.

– Э... а зачем?

– Пронюхали откуда-то, что у нас дочь. Хотят посмотреть.

* * *

Для поездки в Менаджио арендовали «фиатик». Своей машины не имелось. Игнацио говорил: на грузовике устает достаточно. А что Богдана на себе продукты из магазина волочет, мужа не слишком волновало.

Но являться в родовой замок на автобусе было никак нельзя.

Богдана всю неделю трепыхалась. Накупила доченьке очередную грудку одежек. Учила Сильву (девочке недавно исполнилось пятнадцать месяцев) слать воздушные поцелуи и делать ручкой «пока-пока». Сводила в парикмахерскую. Еще недавно волосики у малышки были жиденькие, младенческие, но буквально за последний месяц обратились в буйную, роскошную гриву светлых кудрей. Для чернявой Италии сочетание удивительное.

Позаботилась и о муже. Уговорила не впихивать отросший живот в старые джинсы – купили Игнацио слаксы размером больше, элегантное поло. На себя тратиться не стала.

В субботу утром Сильва проснулась не в духе, капризничала, хныкала. Игнацио злился. Богдана догадывалась: тот (как и она сама) даже представить не мог, чем встретят родители. Осыплют золотым дождем? Или подадут *antipasti*²¹

---

²¹ Традиционная итальянская закуска – маринованные овощи, оливки, капрезе, брускетта, кростини. Обычно подается на вращающемся деревянном подносе перед основным блюдом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.